
Елена Николаевна Пронина
*Заведующий кафедрой
гражданского права и процесса
Поволжского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России),
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: proninae2014@yandex.ru*

Elena Nikolaevna Pronina
*Associate Professor of the Civil Law
and Procedure department, Volga
Institute (the brunch) of the All-
Russian State University of Justice
(RLA (Russian Law Academy) of
the Ministry of Justice of Russia),
Candidate of Legal Science, Docent*

ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЕ АКТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Interpretative acts in modern Russia

Изменения, внесенные в Конституцию РФ Законом РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ, на наш взгляд, обусловили изменение роли интерпретационных актов в правовой системе России.

В настоящее время ст. 79 Конституции РФ установлено, что решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации.

Конституционный законодатель впервые обратил свое внимание на то, что правоприменительный процесс имеет сложную структуру, и в условиях, когда он не имеет возможности действовать непосредственно на норму права (поскольку ее изменение либо отмена не входит в его компетенцию), вышестоящий исполнительный орган, правомочный отменить либо изменить принятое решение, отсутствует, а суды Российской Федерации признавать такие решения незаконными неправомочны (поскольку это не предусмотрено нормами международного права) — сохранение юридического суверенитета в рамках существующего международного правового поля возможно путем оценки того, как была истолкована та или иная норма.

Неизящность решения законодателя противопоставить норме права толкование, еще менее доступного для понимания, поскольку он ведет речь о толковании нормативного акта, а не нормы — достаточно легко объяснима. С одной стороны, как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ,

положения ч. 1 и 4 ст. 15 Конституции РФ, ни международные договоры, ни международные правоприменительные акты не отменяют для российской правовой системы приоритет Конституции РФ и потому подлежат реализации только при условии признания высшей юридической силы именно Конституции РФ. Однако, с другой стороны, введение на национальном уровне возможности признавать те или иные нормы международного договора недействующими по причине их несоответствия Конституции РФ неизбежно натолкнулось бы на особенности международного правотворческого процесса. Международно-правовой характер нормы означает для участника правоотношений возможность не обращаться за подтверждением ее действия к национальному законодательству; при таких обстоятельствах отказ в признании юридической силы ранее ратифицированных правовых предписаний влек бы для Российской Федерации существенные репутационные риски, усиливаемые тем, что одним из главенствующих в международном праве является принцип взаимности.

Ранее, формируя правовой механизм обеспечения верховенства Конституции, законодатель был намного более логичен и точен. В ч. 2 ст. 105 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» (в редакции от 14.12.2015 № 7-ФКЗ, практически не претерпевшей изменений с учетом предмета нашего исследования) было указано на такую цель обращения в Конституционный Суд, как устранение противоречия между положениями международного договора Российской Федерации в истолковании, данном межгосударственным органом, и положениями Конституции РФ в смысле невозможности исполнения соответствующего решения межгосударственного органа без нарушения этих положений Конституции РФ. Эти положения сохраняют свою силу до сих пор.

Вполне понятно, что устранение коллизий правовых норм – это прерогатива правоприменителя, и оно возможно лишь после уяснения смысла соответствующих правовых предписаний. Одна и та же норма может быть истолкована правоприменителем в различных правовых ситуациях по-разному; особенно это касается норм, сформулированных с использованием оценочных понятий, наполняющихся содержанием в зависимости от конкретной жизненной ситуации.

Принимая а priori, что вступившие в силу положения международного договора не могут противоречить Конституции РФ, и в то же время понимая, что правоприменение, воплощающее в жизнь правовые предписания, носит интеллектуально-волевой характер, конституционный законодатель вынужден предусмотреть систему гарантий, обеспечивающих действительное, а не формальное верховенство положений Конституции, также воплощающееся в правоприменительной деятельности.

Конечно, правоведов не может ввести в заблуждение формальное придание Конституционному Суду РФ полномочия разрешить вопрос о возможности исполнения решений межгосударственных органов, принятых на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции РФ (п. «б» ч. 5.1 ст. 124): как показано выше, положительного решения по данному вопросу просто не может быть принято.

По сути, Конституционный Суд РФ должен ответить на вопрос о том, могла ли какая-либо из конституционных норм, регулирующих сходные отношения (или норма-принцип, норма-начало), быть истолкована так же, как примененная международно-правовая норма (как правило, с учетом специфики международно-правового регулирования – позволяет ли она совершить определенное действие или воздержаться от его совершения).

Таким образом, интерпретационные нормы, закрепленные в соответствующих решениях Конституционного Суда РФ, приобретают роль правовых, поскольку они ограничивают действие исходных международных норм и тем самым приводят их в соответствие с нормами Конституции РФ. При этом важно, что эти решения не являются актами толкования международного права. Иначе говоря, введение нового конституционно-правового регулирования породило возникновение правовых интерпретационных норм – новой юридической категории, обеспечивающих баланс международного и национального права.